

Глава 1

ПЯТЬ

Двенадцать баллов — это был рейтинг мечты. Такой рейтинг позволял брать легкие и дешевые кредиты. Получать социальные пособия. Рожать детей. Иметь персональный автомобиль. Покупать и оформлять в собственность недвижимость. Выбирать себе работу из реестра вакансий, а не торчать годами на свободной бирже.

Двенадцатибалльник имел право бесплатно поступить в высшее учебное заведение. Получал доступ к магазинам органических товаров. Пил воду категории А и дышал А-воздухом, так как имел право жить и отдыхать в экологических зонах премиум-класса, соответствующих двенадцати баллам. Мастера биобижутерии выезжали на дом. Двенадцатибалльник пользовался лучшими достижениями цивилизации — то есть практически жил в раю.

Но главное, двенадцать баллов означали уважение и достойное место в обществе.

— Двенадцать — это Доверие. Запоминаем, дети, оба эти слова начинаются на Д, — так учили детей в первом классе Свободной школы.

Говорили, что сам Универсум — универсальное приложение, объединяющее социальные сети, платежную систему и портал госуслуг, — когда-то программировался именно под запросы двенадцатибалльников. Им была доступна престижная рамка профиля — оранжевая.

Оранжевый двенадцатибалльник был ярким и понятным символом того, что такое рейтинг. И что может дать человеку Система, если человек ей доверяет. Нет, не так, Доверяет с большой Д.

Главным в рейтинге была его абсолютная честность и непредвзятость. Впервые в истории людей наконец-то начали оценивать не по рождению, богатству или образованию. А по морально-нравственным качествам и социальным привычкам.

Система действовала просто: если человек вовремя платил кредиты, не имел за душой серьезных правонарушений (а мелкие штрафы гасил исправно), не вел предосудительных речей и не строчил в Сети ничего подозрительного, если его запросы в соцсетях не содержали ничего запрещенного и соответствовали заявленному сексуальному статусу, если в друзьях у человека были, в основном, приличные люди и отзывались о нем хорошо — то такому гражданину Система присваивала искомые десять-двенадцать баллов. Символ состоятельности и успеха.

«Если будешь хорошо учиться, станешь десяти-, а может, если Небо позволит, и двенадцатибалльником. А перед двенадцатибалльником открыты все двери, — так в детстве говорила мне мама. И грустно добавляла: — Как раньше было у отца...» При этом

она кивала на храпящего на диване вечно пьяного батяню, который скатился до семерки и тренд имел хуже некуда. Я смотрела на отца с презрением и недоумевала, как можно было до такого дойти — взять да и растерять свой рейтинг!

Я всегда была уверена, что со мной такого в принципе не могло произойти: в отличие от отца я не пила, работала, соответствовала статусу и вообще. И вот поди ж ты.

* * *

«Как мама все это переживает?» Это было первое, о чем я подумала, когда на ватных ногах спустилась по ступенькам эмиссариата. Сейчас она заглянет в мой профиль, чтобы узнать, как дела, увидит пять баллов и все... Разразится катастрофа.

Знаете это чувство, когда происходящее кажется кошмарным сном?..

Не понимая, что теперь делать, я присела на скамейку у входа рядом с хорошо одетой пожилой женщиной. Дама равнодушно смерила меня взглядом, привычно скользнула глазами по моим биочасам, заметила цвет профиля и подскочила как ужаленная. Встала, отошла в сторонку, кутаясь в натуральную шаль, — с севера дул холодный ветер. Ну и скрежь с ней, с этой стервой. Я натянула рукав пальто пониже, чтобы прикрыть экран биочасов.

Не отморозить бы себе на этой скамейке пятую точку — в замечательном-то климате нашей зоны В. Которую мне, кстати, предстоит скоро покинуть, если

я не верну прежние цифры... При этой мысли меня прошиб холодный пот. Я всю жизнь прожила в благополучном районе и понятия не имела, что происходит с людьми, которым приходится уезжать в нижние зоны.

В детстве, кстати, этот вопрос живо меня интересовал. Когда я училась во втором классе Свободной школы, я как-то раз спросила учительницу, что происходит с людьми, у которых рейтинг падает до нуля? Высокая чернявая и очень молодая Рита Фаустовна разволновалась и сказала, что таких людей не бывает. Именно поэтому, мол, школьная табличка номер один ставит нулевикам прочерк. Их не существует. Это, мол, гипотетическая вероятность. И вообще люди всегда только улучшают, а не ухудшают свой рейтинг. Такой ответ меня не устроил, и я повторила вопрос дома. Мама тоже сказала, что нулевиков не бывает. А отец возразил, улыбаясь:

— Еще как бывают...

— Фу, Федя, прекрати, — сказала мама испуганно.

Отец подмигнул мне:

— Не слушай женщину, Лара, она трусит скрывать правду. Бывает такое, что человек скатывается до нуля.

— Это я трушу?!

— И что тогда с человеком происходит?!

Эти два вопроса мы задали хором. Мамин вопрос отец проигнорировал, а мне ответил задумчиво:

— Ну как тебе сказать... Скажем, его отключают от Системы.

Тут мама возмущенно прервала разговор, и у них началась обычная перепалка про «с ума сошел» и «не при ребенке».

— Уж я-то имею право это ей сказать!

— Зачем ей вообще это все знать? Ей это, тьфу-тьфу, не грозит!

— А с чего ты взяла, что не грозит?!

— Система не допустит!

— Ах, Система?!

Тут батя громко и грозно выругался по адресу Системы, всех ее создателей и их подлинных намерений. Мама зажала ему рот:

— Тихо, ты! Баллы и так хуже некуда.

И добавила горько:

— Мою жизнь ты сломал, не смей портить будущее моей дочери... У нее есть все шансы.

Это была правда, в школе я подавала большие надежды — по крайней мере так считали учителя и родители. В день девятилетия меня, как и всех достигающих этого возраста школьников, зарегистрировали в Системе. В моем случае это сделал не классный руководитель, а лично директор — да еще с небольшой поздравительной речью, потому что я была отличницей. На следующий день эмиссар торжественно надела на меня первые, пока еще простенькие био-часы. Это было важное событие для всей семьи — мама заплела мне красивую косу и заказала столик в органическом ресторане.

Этот вечер врезался в мою память: батя, как обычно, выпил лишнего и начал громко ерничать на

тему, какое же это чудо — биочасы! Как здорово, что их изобрели. Какое же мы счастливое поколение — у нас есть рейтинги, биочасы, а главное — биобижутерия! Каждый желающий теперь может вставить себе в задницу умный, а главное — красивый сфинктер! «Что такое сфинктер?» — спросила я громко. Сидевшая за соседним столиком женщина оглянулась на нас и рассмеялась. После этого мама окончательно вышла из себя и пригрозила эмиссариатом, а батя вздохнул, иронически выпил:

— Ну, за Свободу, — и надолго замолчал.

Отец был диссидентом-одиночкой. Я ни разу не слышала, чтобы кто-либо кроме него когда-либо ругал Систему. Это было так же глупо, как поносить беспилотники, или телемедицину, или научный прогресс как таковой. Система была нашей средой, нашим воздухом, нашей защитой, высшим достижением и мягким климатом нашей цивилизации.

Интересно, что мой отец и его близкий друг дядя Ленья были прародителями Системы.

В молодости они работали программистами первой категории, это их отдел писал программы первых ментальных скринингов, на которых сейчас строится работа всех эмиссариатов и всей Системной полиции. Отчетов о личности человека и его намерениях.

Толчком к созданию скринингов стали так называемые школьные расстрелы. Я не понимала, что это такое, а отец объяснял:

— Дети приходили в школу с оружием и расстреливали одноклассников. Убивали, да. Я видел соб-

ственными глазами: весь класс в крови, учительница дергается в конвульсиях на полу между партами...

В этом месте мама, как правило, просила изба-вить нас от подробностей, и отец продолжал:

— И самое удивительное, что эти подростки долго и откровенно готовились. За полгода начинали выкладывать в Сети фотографии преступлений, восхищаться ими. Писали в открытую: «Я всех ненавижу! Я буду убивать!» — и никто не реагировал.

— Почему?

Отец пожимал плечами.

— Не верили. Тогда считалось, мало ли, кто что пишет. А Леня первый сказал: надо заниматься преступлением не ПОСЛЕ того, как оно совершилось, а до!

Этот Леня одно время часто захаживал к нам в гости по вечерам. Среднего роста, скромный и, на первый взгляд, очень застенчивый человек. Узкие внимательные глаза. «Когито, эрго сум» — первая фраза на латыни, которой меня зачем-то учил дядя Леня: «Мыслю — следовательно, существую». Он развивал эту идею: «И, следовательно, действую. Мысль о преступлении — сама по себе уже преступление, правы были древние христиане».

Отец был не согласен, они часто спорили и даже ругались, и вся дяди-Ленина застенчивость при этом куда-то девалась. «Нельзя же судить и наказывать за мысли!» — кричал батя. «Это ты родителям убитых детей скажи, про мысли!.. — У дяди Лени был высокий голос, который, когда он волновался, срывался фистулой. — Мысли становятся реальностью,

пойми ты!» «Я не буду в этом участвовать! Нужна грань!» — и, вспоминая про грань, папа, как правило, грохал кулаком по столу.

Так они ругались, наверное, с год, батя то и дело громогласно «уходил с проекта», но в итоге им удалось найти загадочную грань и алгоритмизировать ее. Написанная дядей Лене́й и моим отцом программа фьючерсных ментальных скринингов произвела фурор и мгновенно сделала их знаменитыми. Программа Фельдмана—Смирнова (фамилии дяди Лени и моего отца соответственно) определяла с вероятностью 99,9%, перейдет ли потенциальный преступник от слов к делу.

Это была революция.

Дядю Леню назначили координатором Единой межгосударственной программы по контролю над агрессией, отец стал его первым замом. Многие годы ушли на то, чтобы отладить программу и встроить ее в Систему. Это благодаря отцу и его лучшему другу ни одно грубое слово больше никому не проходит даром. Отец лично добивался того, чтобы алгоритмы, анализирующие лексикон человека, не просто маркировали агрессивные слова, но и учились читать между строк — использовали психологические и психолингвистические аналитические платформы. Плюс — считывали через биочасы и кончики пальцев давление, температуру и прочие кожно-гальванические реакции в момент употребления человеком тех или иных слов. В итоге Система научилась узнавать намерения преступника раньше, чем он сам!

Это была гигантская работа. Отец и дядя Леня были награждены орденами «За особые заслуги перед Обществом абсолютной Свободы» первой степени.

Помню вечер, когда они пришли с орденами на груди, мама суетилась и накрывала на стол, а они сидели рядом и молчали. Труд всей их жизни был завершен, мечты сбылись, и им было нечего больше другу другу сказать. Идеальная система контроля была создана, отлажена и запущена в мировом масштабе.

Дядя Леня после этого исчез, я больше его никогда не видела. А отец запил.

В восемнадцать лет я закончила Свободную школу и сдала ЕРЭ (единый рейтинг-экзамен) на восемь целых девяносто восемь сотых балла. Система оценила меня очень неплохо — особенно если учесть, что мой ближайший родственник пил и вел себя неадекватно. Правильное поведение в Сети и регулярное участие в Системных программах позволили мне поднять баллы до девяти, а потом и до десяти. Но на десятке я застряла. До престижных двенадцати мне вечно чего-то не хватало.

— Почему они могут, а я нет? Какое-то во мне «недо»... — понуро размышляла я, разглядывая в Универсуме жгуче красивые профили знакомых двенадцатибалльников, успешно переехавших в зону А.

Мама считала, что во всем виноват отец.

Жить десятибалльницей вполне себе было можно, но, конечно, не на очень широкую ногу. Я име-

ла право на желтый цвет профиля в Универсуме, на органические продукты, но в целом качество жизни мне полагалось гораздо скромнее, чем двенадцатибалльникам. Жить, например, я могла только в зоне В, не выше. А это значило, что приличные климат, вода и воздух, так же как безболезненная ВИП-косметология и биобижутерия премиум-класса тоже пока были недоступны. Я утешалась тем, что, например, у восьмибалльников не было и того, они носили, ели и пили сплошь дешевую синтетику, а жить могли только в непрестижных регионах — на запад дальше Уральского хребта вход им был заказан.

Я жила с родителями — так было экономнее и добавляло четверть балла в рамках Программы поддержки пожилых людей.

Однажды мама отвела меня на кухню и сказала, что нам нужно серьезно поговорить. Я догадывалась, о чем. Папино состояние в последние дни и огромные темные круги вокруг маминых глаз. Двух тем для серьезного разговора у нас быть не могло. Так и оказалось.

— Дочка, пора принимать решение, — мама теребила пластиковый ремешок биочасов, было видно, что этот разговор дается ей тяжело. — Ситуация сложилась так, что... В общем, мне нужно выбирать между тобой и им. И я выбрала.

Отец окончательно все испортил. Ладно бы он просто пил, болел и сквернословил, как раньше. Мамина подруга-врач со связями в эмиссариате уже

много лет позволяла нашей семье успешно лавировать, не выходя за рамки зоны В. Так оно продолжалось бы и дальше, если бы позавчера отец не начал методично и ежечасно ругать Систему. В самых отборных выражениях. Он говорил, что мы построили не общество свободы, а общество подавления. Что это фарисейство и лицемерие. Что все это нужно разрушить и вернуться к тому, с чего начали. Что зря он тогда Леньку слушал... При этом он мучительно кашлял, а вчера мама заметила на его носовом платке кровь.

Личный батин рейтинг, понятное дело, падал каждые сутки — перезагрузка профиля происходила в полночь. Мы разговаривали в 23.45. На этот момент рейтинг моего отца, оказывается, составлял уже три балла. Я ужаснулась. Плохо дело.

— Через пятнадцать минут мы можем увидеть все что угодно, — шептала мама, комкая скатерть. — Выход у нас только один...

Я понимала, о чем она говорит. Если рейтинг члена семьи резко падает — Система дает трое суток на исправление. Если член семьи не исправился — рейтинг всех остальных понижается до его уровня. Либо семья может отказаться от такого родственника, официально уведомив эмиссариат. Батя исправляться не собирался — о чем свидетельствовал доносившийся из его комнаты поток пьяной брани в адрес Системы. Которая, как известно, нас защищала, кормила и сохраняла в целостности и здравии.

Мама снова заплакала насчет «этого придурка», который сломал ей всю жизнь. В общем-то, она была

права. Если нас понизят до батиного трехбалльного уровня — зоны D — это означает переезд за две тысячи километров в промышленный район с отравленным воздухом. О любимом органическом кофе и йогурте из настоящего молока, который так любит моя худенькая, вечно мучающаяся гастритом мама, можно забыть навсегда. Как и о подругах, которые сейчас как ошпаренные выскакивали из маминых СС-друзей в Универсуме, видя, как грозно валится рейтинг ее мужа.

— Сучки, — оценила их мама, вытирая слезы. — Но главное-то, главное — ты!

Это тоже была правда. Если я попаду в зону D, я могу практически навсегда забыть о приличном заужестве и вообще о нормальном будущем.

В 23.58 мамин палец с безупречным маникюром нажал кнопку «отправить» под «Уведомлением о расторжении родственных связей» на имя эмиссара. В полночь батины биочасы показали два балла. Мы успели.

В зоне В отец больше находиться не мог. Утром прибыл беспилотник с сотрудниками эмиссариата. Мать старалась, чтобы я этого не видела, я и не хотела смотреть, но как-то само вышло: помятого, грязного и похмельного, моего отца во дворе запихивали в салон беспилотника. Собрались соседи. Я смотрела на него, испытывая законное отвращение, и вдруг в памяти всплыло, как он водил меня за руку в школу. Не знаю, почему я вспомнила. Он шел рядом со

мой, статный, красивый, в идеально выглаженной белой рубашке, на него весело посматривали соседки, а я страшно гордилась новеньким орденом на его груди... В тот момент, когда я это вспомнила, отец поднял голову, и мы встретились глазами. Больше я его никогда не видела и понятия не имею, что с ним стало. Его должны были отвезти в зону Е, куда-то на юго-запад за пределы Московии, — согласно его двум баллам. Что там делали с людьми — я не знала. В голову не приходило, что нужно бы знать....

Как из-под земли рядом с мамой выросла тетка-эмигрантка, чтобы зачитать обычную в этих случаях благодарную за «сохранение базовых ценностей общества абсолютной Свободы». Закончив зачитывать официальный текст, эмигрантка от себя поблагодарила нас за гражданскую позицию и подтвердила прежние девять маминых и десять моих баллов. Мы могли выдохнуть.

...«Пилик-пилик!» — сигнал биочасов прервал мои воспоминания. Я вздрогнула, осознала, что по-прежнему сижу на скамейке под зданием эмигрантского центра, тупо уставившись в одну точку, и с трудом заставила себя посмотреть на экран биочасов. Небесная благодать, это пока не мама. Это уведомление о температуре тела — 37,3. Скрезь Небесная, еще и простуда начинается...

Удивительно, что мать не звонит — наверное, просто еще не заглядывала в мой профиль. И, хвала Небу, пока не звонит Тим.

Я вспомнила про Тима, и мне стало бесконечно стыдно. В сотый раз подведу этого бесконечно терпеливого ко мне человека. Как мне теперь смотреть ему в глаза...

«Ты такая же, как я, только похуже немного», — с такой эсэмэски когда-то начался наш роман. Сначала я обиделась, но потом поняла, что это он так заигрывает. Одиннадцатибалльник пишет десятибалльнице из самой зоны А. Это же явный виртуальный рывок за косичку! А я-то уж думала, что наши отношения закончены...

Хотя то, что было у нас в Московии, отношениями в полноценном смысле этого слова, наверное, назвать было нельзя. Мы немножко гуляли по осеннему золотому парку, немножко ходили в кафе, один раз подержались за руку и ни разу не целовались. Потом он уехал в зону А, и я думала, что на этом все кончено, но, оказывается, на этом как раз все только началось. У Тима появилось, что мне предложить.

Наша свадьба была скромной, в духе моды: я, Тим, представитель эмиссариата и родители с обеих сторон. По иронии судьбы мы сидели в том же ресторане, где когда-то отмечали мои первые биочасы. Только моего отца теперь с нами не было... Мама была довольна — Тим был молчалив, терпелив и добродушен, часто улыбался и не спорил по пустякам. Но главное, мы ждали, что Система поднимет мне баллы до уровня супруга, мой тренд был положительным, и все, казалось бы, шло именно к этому.